

При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна*.

Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики

Средний класс — спасение Аргентины.

Он вознесет ее над миром.

*Пророческая психография Бенджамина Солари
Парравичини, 1971 г.*

* Перев. с фр. А. М. Сухотина.

1907

1

Темперли, провинция Буэнос-Айрес, 1907 год

Есть те, кого нет, ну или почти нет, такие как сеньорита Менендес. *Старшая медсестра*. Она вся сполна умещается в промежуток между этими двумя словами. Женщины под ее началом пахнут и одеваются одинаково и, обращаясь к нам, говорят «доктор». Когда по их недосмотру или из-за лишнего укола пациенту становится хуже, они материализуются: ошибка — ключ к их существованию. Но Менендес никогда не ошибается, поэтому она и главная.

При любой возможности я наблюдал за ней, пытаюсь рассмотреть что-то человеческое, какую-то тайну, несовершенство.

И мои попытки увенчались успехом. Вот эти пять минут настоящей Менендес. Она облакачивается на перила и закуривает сигарету. Глаз, по обыкновению, не поднимает и потому не замечает, как

я наблюдаю за ней. Лицо у нее бездумное, словно пустая бутылка. Она курит ровно пять минут. Их хватает только на половину сигареты. Затем она позволяет себе роскошь затушить ее, посплюнявив палец, и выбросить в мусор. Каждый раз курит только новые сигареты. Так она ежедневно являет себя миру в один и тот же час, и этого времени бытия достаточно, чтобы влюбиться в нее.

Коллег у меня много, и я до сих пор знаю не всех. Есть один здоровяк с родинкой на подбородке. Он всегда приветствует меня, но я узнаю его только по родинке. Не представляю, как его зовут и какова его специализация. Одна половина лица у него ниже другой, и когда он говорит (я не очень понимаю о чем), то щурится, словно от яркого света.

Каждое слово, произносимое Сильвией, вылетая у нее изо рта, превращается в мошку. Поэтому ей лучше помалкивать, чтобы не умножать их число. Я окунаю ее в ледяную воду. Стоит мне убрать руку, как она поднимает голову, вдыхает и в очередной раз спрашивает: «Вы действительно не видите, как из меня вылетают мошки?» Этот факт беспокоит ее гораздо больше, чем холод. Я до сих пор не могу понять, почему ее закрепили за мной. Ведь я не психиатр. И ничего иного, кроме вероятного воспаления легких от ледяной воды, она не получит. Но в ее случае важно остановить бред, и здесь лед приходит на помощь. Обещаю ей теп-

лую кровать. Я должен фиксировать любые изменения: не замкнулся ли пациент в себе, не зовет ли он семью (семьи у Сильвии нет, но такой бред был бы признаком улучшения), не исчезли ли вообразаемые мошки. Сильвия видит, как мошки истаивают в воздухе под потолком.

Ты думаешь не о медсестринском. В свой пятиминутный перекур, когда стоишь с отрешенным лицом, словно ты не женщина, а только исполняешь ее обязанности, ты думаешь не о катетерах и физрастворе, а о чем-то бесформенном.

Вот она идет по коридору. Вокруг нее стайкой вьются медсестры, которым нужны помощь, совет, истории болезни, чистящие средства. Мои волосы напояжены. Я уже близко. Разогнать стайку несложно. Они расступаются сами, уважая мое личное пространство. Мы, врачи, смогли отстоять это телесное право, которого медсестры, работники клизмы и термометра, не признают практически ни за кем.

— Менендес!

— Да, доктор Кинтана.

Мне нравится слышать, как она произносит мою фамилию. Я отдаю ей кое-какие распоряжения.